

Василий Жуковский **Владислав Ходасевич**
Мария Протасова **Нина Берберова**

Константин Батюшков **Борис Пастернак**
Анна Фурман **Елена Виноград**

Александр Пушкин **Марина Цветаева**
Анна Керн **Борис Пастернак**

Михаил Лермонтов **Юрий Живаго**
Наталья Иванова **Лара Гишар**

Федор Тютчев **Марина Цветаева**
Елена Денисьева **Сергей Эфрон**

Афанасий Фет **Анна Ахматова**
Мария Лазич **Николай Пунин**

Николай Некрасов **Иосиф Бродский**
Авдотья Панаева **Марианна Басманова**

Александр Блок **Геннадий Шпаликов**
Любовь Менделеева **Инна Гулая**

Анна Сергеева-Клятис

*Заложники
любви*

*Пятнадцать,
а точнее
шестнадцать,
интимных
историй
из жизни
русских поэтов*

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

От автора

*«Нет зрелища прекраснее,
чем человеческое счастье».*

Геннадий Шпаликов

Страницы книги с таким интригующим названием содержат пятнадцать (а точнее, шестнадцать) любовных историй. Почти все они — за единственным исключением — не вымышленные, а реальные. И заимствованы из отечественной культуры, вернее сказать — поэзии. Говоря проще, перед читателем биографическая книга особого рода, дающая возможность взглянуть на судьбы русских поэтов с неожиданного угла зрения. Биографической ее позволяет назвать строгое следование фактам, которое автор вменяет себе в профессиональную обязанность. При этом очевидно, что традиционный биографический сюжет не выдерживается, распадается благодаря фрагментарности повествования и подмене хронологического принципа тематическим. Всё это не столь важно, потому что каждая из представленных историй, с одной стороны, претендует на статус небольшого романа, с другой — существует по поэтическим законам: и сама по себе как вполне законченное произведение, и внутри цикла, и как часть большой вселенной, в которую разворачивается вся книга. Писать ее было иногда интересно и занимательно, а иногда — мучительно грустно.

Когда эта книга задумывалась, она выглядела иначе. По замыслу она должна была описывать любовь в соответствии с определением Бернара де Фонтенеля — как «самое утреннее из наших чувств», как источник вдохновения, высшую точку реализации творческой энергии, смысл и цель любой поэтической вселенной, да и всей человеческой жизни. Герои этой книги, люди самой тонкой душевной организации, живущие в непрерывном эмоциональном напряжении, обладающие страстным темпераментом, были способны не только в полной мере испытать, но и воспеть силу и красоту вечного чувства, зафиксировать в стихах ускользающие «свойства страсти», поймать неуловимую гармонию. О ней и замышлялось рассказывать.

Но за время работы над книгой ее содержание изменилось до неузнаваемости — не только жизнь, но и сам материал продиктовал эту перемену. В творческом восприятии мира, наряду с перечисленными, есть и еще одно родовое свойство — болезненность, дисгармоничность. И чем глубже и значительнее внутренний мир поэта, тем больше его раскачивает «у бездны мрачной на краю», тем меньше у него шансов на личное счастье. Противопоставляя поверхностному бездуховному здоровью всегда обращенную вглубь человеческого существа болезнь, Томас Манн писал в «Волшебной горе»: «...В духе, в болезни заложены достоинство человека и его благородство; иными словами: в той мере, в какой он болен, в той мере он и человек». Что уж говорить о поэтах! Прибавим к этому неминуемый эгоизм, без которого невозможно представить жизнь творческой личности, естественную и очень понятную сосредоточенность на себе, острое ощущение вектора своего пути, которое почти всегда расходится с практическими и разумными представлениями близких, — и станет очевидным, что любовь в жизни поэта носит скорее трагический оттенок и редко бывает окрашена в радужные цвета. Как и любовная лирика, которая зачастую вмещает страшный душевный опыт.

Обывательские восторги, как правило, сопровождающие легендарные романы, лишены реальной почвы; не имеющие отношения к действительности формулы («Какая красивая любовь!») нисколько не описывают происходящего; представления о счастливых развязках лишены фактического основания. Не вызывает сомнений, что Блок всю жизнь с самой юности, почти с детства, любил Любовь Дмитриевну Менделееву и был любим ею взаимно. Но можно ли назвать счастьем их рано заключенный брак? Конечно, Ходасевич был страстно влюблен в красавицу Нину Берберову, сломал из-за этого жизнь нежно ему преданной жене, но сделал ли он счастливой свою возлюб-

ленную и был ли сам счастлив? Очевидно, что Ахматова сильно и глубоко любила Николая Пунина, пожертвовала ради этой любви своей независимостью, смирилась с унижительным положением полужены-полулюбовницы — и получила, по крайней мере, десятилетие поэтической немоты и испытала острую радость в момент разрыва. Да и трудно подыскать примеры иного рода.

Такой и получилась эта книга. Она рассказывает не о «бесконечном счастье» любви, а о ее «муке жалищей», не о воплощенных надеждах, а о их полном провале, не о гармонии и спокойствии, а о вечном стремлении к новому поэтического духа, о его болезненной двойственности, о его катастрофической ненасытности. Любовь в ней идет рука об руку с предательством, изменой, распадом, внутренней несвободой, тяжелым разочарованием, трагическим исходом. Умиротворенных взаимным счастьем пар, так уж получилось, здесь нельзя отыскать. Но зато речь пойдет о чувствах такой невероятной интенсивности, о таком высоком накале страсти, что порой можно содрогнуться: «Когда любит поэт, влюбляется бог неприкаянный». Те мучения, которым творческие личности умеют подвергать своих близких, совсем иного рода, чем те, что сопровождают романы обычных людей. Самолюбование идет здесь об руку с вечной неудовлетворенностью собой, беззастенчивая ложь лишь оттеняет убийственную правдивость, и во всем видно искреннее, а не театральное стремление выпрыгнуть за пределы скучного земного существования и удержать в руке вечность. На короткий период это кое-кому удавалось.

Структура книги очень проста. Истории тех, кто волею автора попал в число ее героев, объединены между собой по некоторому сходству. Из них составляются главы. Каждая глава включает три любовных эпизода: два из них близки по времени, часто связаны между собой событийно или психологически и представляют легко предсказуемую пару. Третий намеренно выбирается из другой, более поздней эпохи, иного мирозерцания, подсвечивая описанное ранее почти точным сюжетным повтором. Меняются времена, меняется социальный строй, меняются запросы личности, но трагедия любви и смерти остается неизменной. И только в одной главе ситуация «двое в присутствии третьего» оказывается размыта (или, может быть, подтверждена) включением четвертого эпизода, литературного. Уж очень велик был соблазн соединить с жизненным материалом историю вымышленного персонажа, героя большого романа, тоже поэта. Этот очевидный композиционный перекося читатель будет вынужден простить автору, вполне сознающему соб-

ственное несовершенство. Но поскольку несовершенство человеческой личности и есть главная тема этой книги, то каким образом она сама могла оказаться совершенной? Дисгармоничность содержания естественно отражается в ее структуре.

Есть в книге и совсем другие фрагменты: это включенные в виде приложений к каждому сюжету (опять-таки за одним исключением) поэтические или прозаические тексты, имеющие непосредственное отношение к описанным событиям и лицам. В отличие от обстоятельств своих собственных биографий, с которыми поэты никак не могли сладить и в которых зачастую совсем не чувствуется музыки высших сфер, они умудрились создавать совершенные и гармоничные произведения, отчасти примиряющие нас с трагическими надрывами их реальных судеб. Такому преображающему жизнь свойству искусства будет посвящено несколько слов в главе о любви Юрия Живаго.

Я благодарю издательство «Молодая гвардия» за идею и предложение написать эту книгу.

P.S. О названии

Метаморфоза, которую претерпело за время работы над книгой ее содержание, повлекла за собой и еще одну, очень существенную, перемену. О ней необходимо сказать несколько слов. Первоначальный вариант названия, записанный даже в договоре между автором и издательством, звучал совсем иначе. Книгу планировалось назвать известной строчкой из песни Окуджавы: «Часовые любви». Под этим именем книга существовала всё то время, пока вынашивалась и рождалась. В каком-то смысле речь здесь действительно пойдет о «смене часовых»: уходят времена, приходят новые, меняются культурные коды, способы выражения мыслей, виды деятельности, а любовь существует всё в том же обличье, бесконечно призывая новобранцев, требуя честной и беспорочной службы. Однако романтический мотив, который, благодаря голосу Булата Шалвовича, невольно слышится в сочетании «часовые любви», по мере написания текста стал восприниматься не только избыточно, но даже фальшиво. Так книга сама потребовала переименования, и автору пришлось пойти у нее на поводу.